

метафоричность — неотъемлемое свойство любого речевого мышления, в том числе научного, а не только поэтического.

Наряду с перечисленными мягкими, живыми, прозрачными, имеются и метафоры твердые, жесткие, например, смысловый стержень, смысловой каркас, смысловой конструкт, упомянутый выше смысловой барьер, смысловой фундамент, которые заслуживают отдельного разговора. Из этого класса метафор остановимся лишь на одной. Это метафора смысла-камня, который презрели строители и который должен стать во главу угла (Л. С. Выготский во главу угла поставил практику и философию). Для смысловиков-акмеистов сознательный смысл слова, Логос, такая же прекрасная форма, как музыка для символистов, — писал О. Мандельштам. Для него смысл выступал как поэтическая материя; Д. А. Леонтьев говорит о смысловой ткани (еще одна «мягкая» метафора), которую он ставит в один ряд с биодинамической и чувственной тканью. О. Мандельштам говорил об акмеистах: «...Мы вводим готику в отношения слов, подобно тому как Себастьян Бах утвердил ее в музыке». Поэт вспоминает Владимира Соловьева, которого волновало «немое красноречие гранитной глыбы» и дает свое понимание известных строк Ф. Тютчева: «Но камень Тютчева, что “с горы скатившись, лег в долине, сорвавшись сам собой, иль был низвергнут мыслящей рукой”, — есть слово. Голос материи в этом неожиданном падении звучит как членораздельная речь... Акмеисты с благодарностью поднимают таинственный тютчевский камень и кладут его в основу своего здания.

Камень как бы возжаждал иного бытия. Он сам обнаружил скрытую в нем способность динамики — как бы попросился в “крестовый свод” — участвовать в радостном взаимодействии себе подобных»⁴⁰.

Не последовать ли психологии примеру акмеистов и не положить ли камень — камень-смысл в «крестовый свод» своего вечно строящегося здания? Надеемся, что мир как воздух *бескорыстного смысла* (Б. Пастернак), открывающийся в его словообразах и метафорах будет способствовать этой уже ведущейся работе.

Проект «органической» психологии: от культурно-исторической психологии к культурно-историческому подходу

Первым, кто обратил внимание на то, что Выготский создал основы совершенно новой неклассической психологии, был Д. Б. Эльконин. Он усматривал ее истоки в «Психологии искусства» Выготского. «Продланное Львом Семеновичем — писал он — имеет глубокий психологический смысл: разрабатывая свой подход к анализу художественных произведений, Выготский вместе с тем создал основы совершенно новой, я бы сказал, неклассической психологии, сущность которой состоит в следующем. Первичные формы аффективно-смысловых образований человеческого сознания существуют объективно вне каждого отдельного человека, существуют в человеческом обществе в виде произведений искусств или в других каких-либо материальных творениях людей, т. е. эти формы существуют раньше, чем индивидуальные или субъективные аффективно-смысловые образования... Я называю это неклассическим подходом к психологии... Только вполне ориентируясь в сути такой психологии, можно по-настоящему понять и оценить подлинный вклад Л. С. Выготского в постановку и разработку проблем, связанных с ролью символа-знаковых систем в становлении человеческого сознания, с определением содержания и функций знаковых операций в этом процессе»¹. Именно эта идея Эльконина заставила нас задуматься о том, как одним словом выразить «неклассичность» культурно-исторической психологии. Речь идет не о переименовании этого привычного и устоявшегося названия. С языком не поспоришь, да у нас и нет такой претензии. Но использование эпистемологической метафоры может оказаться эвристически полезным для выявления продуктивности культурно-

⁴⁰ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 169.

¹ Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 477—478.

исторической психологии как методологического подхода к гуманитарному знанию о психике и для выделения специфического гуманитарного ядра всей психологии. Не знаем, насколько удачно (об этом судить читателю) мы выбрали для сохранения стилового методологического единства эпистемологическую метафору «органическая» психология.

Культурно-историческая психология действительно органична на культуре, культурной антропологии, образованию, психологии искусства и искусству, психологии развития, детской и возрастной психологии, психологической педагогике, физиологии активности (психологической физиологии), нейропсихологии, психолингвистике и нейролингвистике, психоанализу, патопсихологии, психотерапии, дефектологии, социальной психологии, инженерной психологии и эргономике и т. д. Даже самонадеянная на первых порах когнитивная психология в последние годы обращается к трудам Выготского и Пиаже. Пожалуй, лишь гуманистическая психология продолжает не замечать культурно-историческую, хотя проблематика свободного действия, о которой речь впереди, непосредственно связана с проблематикой личностного роста человека. Во всех перечисленных и не перечисленных областях психологии и смежных наук используются достижения культурно-исторической психологии, что само по себе беспрецедентно. Возникает вопрос: в чем истоки этой универсальности культурно-исторической психологии. Нам представляется, что они заключены в том аспекте понятия культуры, на котором базируется культурно-историческая психология. Как известно, существует более 600 определений этого понятия, но в этом «безбрежном океане» определений есть аспект важный для нас. Он присутствует практически во всех областях знания о человеке. Культурой мы будем называть то, что составляет суть человеческой психики, т. е. исторический опыт бытия человека как человека, или, иначе говоря, идеальное пространство для интеллектуального, этического и эстетического саморазвития.

Не лишен смысла вопрос о том, органично ли вписывается культурно-историческая психология в вышеперечисленные научные направления или, наоборот, многие из них органично вписываются в имеющую восьмидесятилетний стаж культурно-историческую психологию? Последняя сегодня начинает занимать место классической общей психологии, хотя несомненно таковой

не является, на что обратил внимание проницательный Д. Б. Эльконин.

Это внешнее оправдание введения эпистемологической метафоры «органическая» психология. К этому оправданию может быть добавлена ссылка на традицию положительной философии на русской почве, как «цельного и конкретного знания о действительности»². Обратимся к идеям Н. О. Лосского, который рассматривал мир как органическое целое и развивал идеи целостного *органического* миропонимания, противопоставляя его атомистическому, механистическому миропониманию. Лосский приводит хороший пример В. С. Соловьева: «целое (линия) способно быть *основанием* бесконечной множественности (точек), но не способно *возникать* из нее»³. Внутреннее и содержательное оправдание этой метафоры представляет проблему и для нас.

Как мы уже говорили, новизна неклассической психологии, согласно Эльконину, состоит в том, что первичные формы аффективно-смысловых образований человеческого сознания существуют *объективно* вне каждого отдельного человека в виде произведений искусства или в каких-либо других материальных творениях людей. Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Б. Д. Эльконин называют эти объективные аффективно-смысловые образования, существующие до и вне развивающегося индивида, идеальной формой, которая усваивается и субъективируется в процессе индивидуального развития, т. е. становится реальной формой психики и сознания индивида. В первом приближении процесс развития в культурно-исторической психологии можно охарактеризовать как драму, разыгрывающуюся по поводу соотношения реальной и идеальной форм, их трансформации и взаимопереходов одной в другую. Актером, а порой, и драматургом является субъект развития. Сцена — его жизнь в мире, или мир его жизни. Идеальную форму можно определить как культуру, которую человек застает при своем рождении. Он либо входит в нее (или она входит в него), либо остается вне ее. Не будем говорить о вандализме, т. е. о прямом

² См.: Зинченко В. П., Пружинин Б. И., Щедрин Т. Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М., 2010. С. 111–112, 143–144.

³ Лосский Н. О. Мир как органическое целое // Лосский Н. О. Избранное. М., 1991. С. 341.

разрушении культуры, примеров которого в истории человечества слишком много. Культура весьма чувствительна и неучастие в ней даже отдельного индивида тоже есть форма ее разрушения.

В выделенном нами аспекте гуманитарного знания культура это не просто среда, растящая и питающая личность. Здесь нет автоматизма. Культура — это и не движущая сила, не детерминанта развития. Здесь нет (во всяком случае не должно быть) насилия, нередко встречающегося, например, в образовании. Иначе это не культура, а культ насилия. Иное дело, что культура, как заметил М. К. Мамардашвили, это усилие человека быть человеком. Если воспользоваться образом О. Манделштама, культура — это приглашающая сила, не столько оболочка, сколько вызов, а субъект для нее есть вероятность, желаемость и ожидаемость. Она захватывает человека, но может и оттолкнуть.

Субъект волен принять или отвергнуть приглашение, вызов. Вызов состоит в том, что между идеальной и реальной формами есть разность потенциалов. Если субъект принимает вызов, то может случиться акт, событие развития. При этом акте субъект овладевает идеальной формой, присваивает ее себе или превосходит ее. Она становится его собственной субъективной реальной формой. Последняя, в свою очередь, может и должна быть способной к порождению новых форм (в пределах памятников человеческого духа), которые входят в «тело» идеальной формы. Иначе прекратится развитие культуры.

Пока остановимся на этом. Объективация аффективно-смысловых образований в «теле» идеальной формы — это, конечно, новый ход по сравнению с классической психологией, для которой объективность эквивалентна материальности. Однако при всей «неклассичности» этого хода не очевидно, что с его помощью устраняется вполне классическая для психологии и философии проблема превращения объективного (пусть трижды идеального) в субъективное (пусть трижды реальное). Едва ли следует специально аргументировать, что эта проблема не имеет (и, видимо, не может иметь) решения «классическими» средствами⁴. Значит,

⁴ *Зинченко В. П., Мамардашвили М. К.* Проблема объективного метода в психологии // *Вопросы философии.* 1977. № 7. С. 109—125; *Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984.

признавая тезис Д. Б. Эльконина о неклассичности культурно-исторической психологии, следует продолжить начатую ею работу понимания. Она должна состоять в снятии жесткого внешнего противопоставления объективного и субъективного не только в гносеологии, но и в онтологии человеческой жизни. Попробуем пойти по этому пути.

Первый шаг должен состоять в том, чтобы понять, насколько объективна идеальная форма существования аффективно-смысловых образований. Утрачивает ли она, будучи порождением — творением индивида, свою субъективную природу? Обратимся к высказыванию В. В. Кандинского: «Истинное произведение возникает таинственным, загадочным, мистическим образом “из художника”. Отделившись от него, оно получает самостоятельную жизнь, становится личностью, самостоятельным, духовно дышащим субъектом, ведущим также и материально реальную жизнь; оно становится существом. Итак, оно не есть безразлично и случайно возникшее явление, пребывающее безразлично в духовной жизни: оно, как каждое существо, обладает дальнейшими созидательными активными силами. Оно живет, действует и участвует в созидании духовной атмосферы»⁵.

Для такого участия произведения искусства должны обладать энергичностью, в наличии которой не сомневался Вяч. Иванов: «Энергия, имя которой — Искусство, является нам или собранной и кристаллизованной в устойчивых и готовых формах своей объективации, которые мы эстетически воспринимаем, как бы расплавляя и сызнавая воссоздавая их в нашем сознании, — или же текучей и развивающейся перед нами и впервые объективирующейся в нашем восприятии. Полус статика в искусстве представлен зодчеством, динамики — музыкой»⁶.

Далее Иванов замечает, что есть статика в музыке и в пластике — динамика. Трудно удержаться, чтобы не привести потрясающего описания — свидетельства Иванова о живости произведения искусства: «Сикстинская Мадонна идет. Складки ее одежд выдают ритм ее шагов. Мы сопутствуем ей в облаках. Сфера, ее окружающая, — ско-

⁵ *Кандинский В. В.* О духовном в искусстве. М., 1992. С. 99.

⁶ *Иванов Вяч.* Предчувствия и предвестия. Новая органическая эпоха и театр будущего // *Иванов Вяч.* Собр. соч. В 4 т. Т. II. Брюссель, 1974. С. 92.

пление действующих жизней: весь воздух переполнен ангельскими обличьями. Все живет и несет ее; пред нами — гармония небесных сил, и в ней, как движущаяся мелодия, — она сама; а на руках ее — Младенец, с устремленным в мир взором, исполненным воли и гениальной решимости, — Младенец, которого она сама отдает миру, или, скорее, который сам влечет в мир ее, свою плоть, и с нею стремится за собой всю сферу, где она блуждает⁷. Подобными идеями был пропитан воздух Серебряного века русской культуры и философии⁸.

Полезно попытаться отнестись к словам Кандинского и Иванова не как к художественным метафорам, а как к реальности, вспомнив свой опыт восприятия и общения с искусством, в частности с книгой. Борис Пастернак в те же годы называл книгу «куском дымящейся совести», «живым существом». Теперь спустимся с высот искусства на землю и прислушаемся к языку. Утварь (не путать с ширпотребом) — это ведь тоже живое, тварное, поскольку в нее вложены труд и душа ее творца-создателя. Дополнительный аспект раскрывается в понятии органопроекции. П. А. Флоренский заимствовал термин «органопроекция» у Э. Каппа, который предложил его в 1877 г. в книге «Философия техники»: «Суть мысли Каппа уподобить искусственные произведения техники естественным выросшим орудиям. Техника есть сколок с живого тела или, точнее, с жизненного тело-образующего начала; живое тело... есть первообраз всякой техники»⁹.

Флоренский анализировал с этой точки зрения огромное число орудий труда. Он не ограничился установлением внешнего очевидного сходства, а рассматривал наши органы и наши орудия в их возникновении: «Глаз, например, есть изнутри не что иное, как *влечение к свету*; но это самое влечение, в другом порядке, однако, внешнем, как и самый орган, создает камеру-обскуру, телескоп и микроскоп... И, следовательно, камера-обскура может рассматриваться как символ того внутреннего движения жизни, которое мы имеем при себе, в непрестанном органическом усилии осуществления, как глаз»¹⁰.

⁷ Там же.

⁸ Давыдов В. В., Зинченко В. П. Вклад Л. С. Выготского в развитие психологической науки // Советская педагогика. 1986. № 11.

⁹ Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Символ. Париж, Июль. 1992. Т. 28. Ч. 2. С. 153.

¹⁰ Там же. С. 171.

Впоследствии работы Каппа и Флоренского были забыты. Слабое подобие этих идей можно найти в модной некоторое время тому назад бионике. Особо однако подчеркнем, что Флоренский, развивая идеи органопроекции, показывал на множестве примеров, что орудия труда созданы по образу и подобию человека как его телесного, так и духовного организма. Наконец, «живость» орудий усиливается тем, что человек называет их живым словом, дает им имя.

Другими словами, орудия имеют не только назначение, но и значение. Выготский в работе «Орудие и знак» отошел от резкого противопоставления орудия и знака, что было характерно для первых этапов развития его взглядов. Он специально обращал внимание на *внутреннее сплетение знака и орудия*, которое находит материальное символическое выражение в самом начале развития человеческого труда¹¹. Психологический анализ знаково-символических и собственно орудийных функций первобытной палки для копания, приводимый Выготским, весьма поучителен сегодня для понимания (и проектирования) деятельности человека с компьютерной техникой.

Значит аффективно-смысловые, равно как и знаково-символические образования, — идеальная форма, — взятые на полюсе культуры в связке «культура—индивид», столь же объективны, сколь и субъективны (субъектны, личностны) не только по своему происхождению, но и по способу своего существования и действия, а не только воздействия. Они полноправные участники духовного и материального производства, питают его идеями и энергией. Конечно, для того чтобы понять и принять это, нужно иначе посмотреть на то, что есть живое, жизнь и отказаться от столь же бесспорного, сколь и бессмысленного определения жизни как «способа существования белковых тел». В советской науке странным образом не замечалась удивительно точная характеристика (не определение) жизни, данная современником Выготского и Шпета А. А. Ухтомским, который, как и Н. А. Бернштейн, развивал неклассическую физиологию — физиологию активности, нередко называемую психологической физиологией: «Жизнь — асимметрия с постоянным колебанием на острие меча, удержива-

¹¹ Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М., 1984. С. 84.

ющаяся более или менее в равновесии лишь при устремлении, при постоянном движении. Энергический химический агент ставит живое существо перед дилеммой: если задержаться на накоплении этого вещества, то — смерть, а если тотчас использовать его активно, то — вовлечение энергии в круговорот жизни, строительство, синтез, сама жизнь»¹².

Чтобы убедиться в емкости этой характеристики, можно заменить в ней «химический агент» на информацию или — лучше — на знания, опыт, а живое вещество — на живое существо (человека). Тогда мы получим характеристику жизни как асимметрию (а не гомеостаз), с постоянным колебанием на острие меча между мыслью и действием, сознанием и деятельностью, опытом и его использованием, аффектом и интеллектом и т. д. Произведения искусства (не все!) также объемлются этим определением. В них есть энергия, устремление, постоянное движение, строительство, синтез, сама жизнь. Есть и асимметрия между динамикой и статикой, между вечным и временным, между добром и злом, между жизнью и смертью...

Обратимся к полюсу индивида. Столь ли уж субъективны аффективно-смысловые образования на этом полюсе? Ухтомский писал, что «с самого начала формирующийся образ предмета есть некоторый проект реальности, и именно эвристический проект реальности, подвергающийся затем многократной проверке и перестраиванию на основании практического слияния с реальностью»¹³. Приглашаем читателя вникнуть в то, как Выготский объясняет возникновение *эвристического проекта реальности*: «Именно включение символических операций делает возможным возникновение совершенно нового по составу психологического поля, не опирающегося на наличное в настоящем, но набрасывающего эскиз будущего и таким образом создающего свободное действие, независимое от непосредственной ситуации»¹⁴. Примерно в те же годы М. М. Бахтин характеризовал мир действия как мир внутреннего предвосхищенного будущего.

Напомним, что лишь несколько десятилетий спустя, в психологии и физиологии появились понятия «образа потребного

¹² Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 235.

¹³ Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 274.

¹⁴ Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М., 1984. С. 50.

будущего», «акцептора результатов действия», «оперативного образа», «образа-регулятора действия», «плана поведения», «образа-манипулятора», «сенсорного эталона», «перцептивной модели», «образно-концептуальной модели», «перцептивной гипотезы», близкие по смыслу к понятиям «эвристический проект реальности», «эскиз будущего». Для того чтобы проект мог быть реализован или перцептивная гипотеза могла быть верифицирована, образ должен быть объективирован, то есть находиться там, где находится реальность, оригинал.

А. А. Ухтомский объективировал субъективное, психическое в «теле» функциональных органов индивида, которые столь же реальны, как морфологически сложившиеся образования. Он определял функциональный орган как «всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение»¹⁵, или как распределение активностей в пространстве и времени (хронотоп). Он уподоблял его динамическому подвижному деятелю. Ухтомский к числу функциональных органов относил не только парабюоз, доминанту, но и психологическое воспоминание, желание, интегральный образ мира. Он подчеркивал, что это — новообразования, возникающие во взаимодействии со средой, в активности индивида, который сам деятельно идет навстречу среде. В соответствии с определением органа образ должен обладать *силами*. Это кажется странным, непривычным. Над этим стоит задуматься и вспомнить давние представления об «эйдетической энергии», т. е. об энергии образа, развивавшиеся, например, А. Ф. Лосевым, о «живом знании» С. Л. Франка. Подобное пояснение излишне по отношению к другим видам функциональных органов: живое движение (Н. А. Бернштейн), аффект (А. В. Запорожец), энергетика которых очевидна.

Любопытно отметить, что А. А. Ухтомский, аргументируя положение о реальности функциональных органов, в числе прочих ссылаясь и на работы З. Фрейда. При всей натуралистичности трактовки сознания и бессознательного З. Фрейдом, несомненная его заслуга состоит в признании их объективности. Он уподоблял работу психоаналитика работе хирургического скальпеля, оперирующего подсознание.

¹⁵ Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 95.

Вполне возможно, что на А. А. Ухтомского оказали влияние труды П. А. Флоренского, который определял разум как орган человека: «Что бы мы не думали о человеческом разуме, но для нас загодя есть возможность утверждать, что он — орган человека, его живая деятельность, его реальная сила, логос»¹⁶. Далее Флоренский пишет о причастности разума бытию и бытия разумности: «А если — так, то акт познания есть акт не только гносеологический, но и онтологический, не только идеальный, но и реальный»¹⁷.

Понятие функциональных органов — новообразований индивида — затем широко использовали и развивали Н. А. Бернштейн, А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия. Они наделяли их телесными свойствами и качествами, например, биодинамической, чувственной, аффективной тканью, исследовали их развитие, инволюцию, реактивность, чувствительность и т. п. Функциональные органы, психологические функциональные системы следует рассматривать как материал (материю), из которого в конце концов конституируется духовный организм. Они действительно могут рассматриваться как анатомия и физиология духа. Более того, система разнообразных связей внутри органа и между органами представляет собой кровеносную систему, которая может закупориваться (склеротизироваться), вызывать ступор, шок¹⁸. (Заметим, что понятие «органическая» психология может рассматриваться и как производное от понятия «функциональный орган». Это еще один, правда, тоже внешний аргумент, подчеркивающий органичность культурно-исторической психологии. Аналогом понятия «функциональный орган» в теории Выготского является понятие «психологическая функциональная система».)

Для Выготского понятие «психологическая функциональная система», эквивалентное понятию способности, было единицей анализа «душевного организма, обладающего деятельностями»¹⁹. Можно, конечно, предположить, что для Ухтомского понятие «функционального органа» играло роль эпистемологической метафоры для анализа духовного «организма», познание анато-

мии которого было главнейшей целью его жизни. Напомним, что для стиля его научного мышления характерны смелые переносы понятийных слоев из одной научной области в другую, которые оказались весьма продуктивными и для естественных, и для гуманитарных наук. Одним из первых он обратился к идее хронотопа, актуализировал идеи Г. Минковского и А. Эйнштейна и развил их применительно к проблемам физиологии и биологии. Результатом такого подхода стал перенос в биологическую науку идеи пространственно-временных относительностей, которые Ухтомский удачным образом именовал «хронотопом», т. е. «пространство-временем». Его основная идея состояла в том, что, говоря современным языком, феномен (в данном случае, физиологический) существует только внутри какого-то контекста, внутри сферы, которая придает этому феномену смысловую основу, и только эта связка «явление — сфера его существования» позволяет исследовать «бытие в его текучести». «Мы живем в хронотопе. Законы его инвариантны лишь при условии, что существует максимальная скорость распространения влияний = скорости света. Если вообще существует безотносительная, инвариантная величина, то это интервал в хронотопе, интервал между событиями»²⁰. Вот почему, мы полагаем, что Ухтомского сегодня можно рассматривать в качестве одного из «медиаторов», сохраняющих целостность русской интеллектуальной культуры, благодаря которым мы можем осваивать наследие русской философии в контексте культурно-исторической психологии.

Вернемся к идеальной и реальной формам. Приведенные выше размышления дают основания для того, чтобы не проводить границу между ними по линии объективное — субъективное, внешнее — внутреннее, тело — душа. Обе формы объективны и субъективны, хотя, видимо, в разной степени и в разных контекстах по-разному, что дает возможность корректно ставить вопрос о переходе одной формы в другую, об органичности их взаимодействия. В этом Д. Б. Эльконин видел неклассичность подхода культурно-исторической психологии, в которой преодолевается психофизическая проблема. Идеальная и реальная формы — это

²⁰ Ухтомский А. А. О хронотопе // Ухтомский А. А. Доминанта души (из гуманитарного наследия). Рыбинск, 2000. С. 79.

¹⁶ Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Ч. 1. М., 1990. С. 73.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.

¹⁹ Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 157.

живые формы. Наличие у них общих свойств делает их потенциально и актуально совместимыми. Поэтому, если «неклассичность» культурно-исторического подхода характеризовать не отрицанием, а позитивным «словом-понятием», то для этого ближе всего подходит выбранная нами метафора «органическая» психология. При всей совместимости реальной и идеальной форм переход одной в другую не может совершаться автоматически. Проблема перехода остается. И на первых порах она разрешалась в парадигме классической психологии, в оппозиционных понятиях внешнего — внутреннего, объективного — субъективного, души — тела, интериоризации — экстериоризации и т. п., о чем мы подробнее будем говорить далее.

* * *

Следующий шаг состоит в том, чтобы понять, как в культурно-исторической психологии оказывается возможным переход от идеальной формы к реальной. Идеальная форма имеет своих вполне реальных носителей, выступающих посредниками-медиаторами развития реальной формы. Выготский в качестве таковых рассматривал роль трех медиаторов: *взрослый* (в паре интериндивидуальной деятельности), *знак* и *слово*. За рамками его анализа остался символ, роль которого в развитии человеческого сознания отмечалась А. Ф. Лосевым. Тем не менее Выготский достаточно часто говорил о знаково-символической и символической деятельности. К этому ряду медиаторов может быть добавлен и смысл, который существует как бы сам по себе (Л. Витгенштейн) и может быть отождествлен с неким возможным фактом. Говоря словами Шпета, смысл может рассматриваться как нечто объективное наряду со знаком, символом и т. д. Впрочем, этот ряд медиаторов остается открытым. Полифонии медиаторов отвечает полифония сознания. На одном знаке или знаковом действии полифоническое сознание не построить. Только рефлексорное.

Когда субъект в ходе развития символической деятельности овладевает медиаторами, его реальная (по Выготскому — прежде натуральная) форма становится идеальной как минимум идеализированной, культурной.

В опосредствовании состоит пафос культурно-исторической психологии. В посредническом акте, который сейчас интенсивно изуча-

ет Б. Д. Эльконин с сотрудниками, заключена тайна развития, тайна превращения реальной формы в идеальную и идеальной формы в реальную. Включение в натуральные формы психических функций (сохраним пока это многократно критиковавшееся понятие Выготского) предмета, орудия, знака трансформирует эти формы в идеальные, культурные. Последние приобретают вид предметных, орудийных, знаковых, вербальных, символических — в широком смысле инструментальных психических операций, действий, деятельности.

Что означает трансформация? Это и есть строительство, формирование функциональных органов-новообразований, осуществляемое с помощью медиаторов, посредников, средств, которые Выготский называл «психологическими орудиями», или «психологическими инструментами». Остановимся на них подробнее. Выготский различал (возможно, нарочито категорично) материальное и психологическое орудие: «Существеннейшим отличием знака от орудия... является различная направленность того или другого. Орудие служит проводником воздействий человека на объект его деятельности, оно направлено вовне, оно должно вызвать те или иные изменения в объекте, оно есть средство внешней деятельности человека, направленной на покорение природы. Знак ничего не изменяет в объекте психологической операции, он есть средство психологического воздействия на поведение — чужое или свое, средство внутренней деятельности, направленной на овладение самим человеком; знак направлен внутрь. Обе деятельности столь различны, что и природа применяемых средств не может быть одной и той же в обоих случаях»²¹.

Сказанное относится не только к знаку, но и к символу, слову, о чем также писал Выготский: «Слово, направленное на разрешение проблемы, относится не только к объектам, принадлежащим внешнему миру, но также и к собственному поведению ребенка, его действиям и намерениям. С помощью речи ребенок впервые оказывается способным обратиться на самого себя, как бы со стороны рассматривая себя как некоторый объект»²².

Вот здесь-то и проявляется замечательная особенность психологических орудий, будь то знак, слово, символ. Они выступают не только в роли стимулов, способных вызвать те или иные ответы,

²¹ Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. С. 90.

²² Цит. по: Эльконин Б. Д. Введение в психологию развития. М., 1994. С. 14.

реакции, поведенческие акты. Они вызывают к жизни внутренние формы деятельности, определяющие, помимо всего прочего, непредсказуемость внешнего поведения. Обращение на самого себя, взгляд на себя со стороны — это начало способности или сама способность заглядывания внутрь самого себя, начало формирования образа себя и вынесения его в целом или отдельных свойств вовне. Это объективация самого себя, своей собственной субъективности, формирование самосознания. Хотя сказанного уже достаточно, но это еще не все. В этом тайна и первое условие формирования себя, условие самостроительства человека, культурного формирования личности.

Б. Д. Эльконин приводит слова Выготского о том, что направленность знака извне внутрь, во-первых, и связанная с этим реконструкция, объективация, экстериоризация внутреннего, во-вторых, являются центром «работы» знака: «Если вдуматься глубоко в этот факт, что человек в узелке, завязанном на память, в сущности контролирует извне процесс воспоминания, заставляет внешний предмет напомнить ему, то есть напоминает сам себе через внешний предмет и как бы выносит, таким образом, процесс запоминания наружу, превращая его во внешнюю деятельность, если вдуматься в сущность того, что здесь происходит, то один этот факт может раскрыть перед нами все глубокое своеобразие высших форм поведения. В одном случае нечто запоминается, в другом — человек напоминает нечто»²³. Действие знака простирается еще более глубоко: «Когда вы изучаете опосредованное запоминание, т. е. то, как человек запоминает, опираясь на известные знаки или приемы, то вы видите, что меняется место памяти в системе психических функций. То, что при непосредственном запоминании берется непосредственно памятью, то при опосредованном запоминании берется с помощью ряда психических операций, которые могут не иметь ничего общего с памятью; происходит, следовательно, как бы замещение одних психических функций другими»²⁴. Таких примеров множество и в ранней работе А. Н. Леонтьева о развитии памяти, и в работах П. И. Зинченко, посвященных динамике произвольного и произвольного запоминания²⁵.

²³ Там же. С. 14—15.

²⁴ Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. С. 392.

²⁵ Зинченко П. И. Произвольное запоминание. М., 1961.

Что же это за мистические свойства знака, слова, других медиаторов, которые не просто воспринимаются, усваиваются, запоминаются, но и пробуждают дремлющие или содействуют формированию новых психических операций, перестраивают их самих и взаимоотношения между ними?

Попробуем ответить на этот вопрос, хотя это и не легко. Причина не в недостатке, а в избытке материала. Обратимся вновь к памяти и посмотрим, как П. И. Зинченко почти семьдесят лет тому назад интерпретировал положение об ее опосредованности: «Основным в развитии человеческой памяти с этой точки зрения является овладение употреблением средств-знаков запоминания. Но знак — средство с внутренней, конкретно-психологической стороны — есть значение. Значение же есть не что иное, как обобщение действительности. Это значение-обобщение развивается как со стороны характера тех связей и отношений, которые обобщаются в знаке (в основном в слове, как знаке), так и со стороны изменения структуры, строения этого обобщения, т. е. со стороны характера интеллектуальных операций. Овладение знаком-средством и связано с развитием его внутренней стороны, с развитием обобщения. Таким образом, развитие памяти прежде всего определяется развитием мышления, ибо развитие всякого значения-обобщения предполагает развитие мышления. <...> В этих основных положениях... запоминание впервые в психологии начинает рассматриваться не как содержание сознания, замкнутого в субъекте, являющееся его феноменальным субъективным миром, и не как абстрактная метафизическая способность. Запоминание впервые выступает здесь как активный процесс, как конкретное психическое действие. В связи с этим впервые становится возможным и реальное исследование развития памяти как процесса, исследование строения процессов запоминания на разных этапах их развития»²⁶.

Обратим внимание на слово «*впервые*», трижды употребленное в этом отрывке. Согласно П. И. Зинченко, — теория опосредствования *впервые* позволила исследовать память как *психическое действие*, а развитие памяти как *процесс*. Здесь отчетливо выступает

²⁶ Зинченко П. И. Проблема произвольного запоминания // Научные записки Харьковского пед. ин-та иностранных языков. 1939. Т. I. С. 153.

органическая связь между культурно-исторической психологией и еще только зарождающейся психологической теорией деятельности. Последняя в качестве своей онтологии взяла опосредствованное, т. е. культурное действие, отказавшись от изучения натуральных психических функций — главного предмета исследований классической психологии. Мы полагаем, что приведенный фрагмент из работы Зинченко, написанной между 1936—1937 гг., — это бесспорный аргумент против повторяющихся время от времени попыток оторвать одно психологическое направление от другого, противопоставить их. В более поздней работе Зинченко приводит по этому поводу весьма категорическое высказывание самого Выготского, относящееся к 1926 г.: «...память означает использование и участие предыдущего опыта в настоящем поведении, с этой точки зрения память и в момент закрепления реакции, и в момент ее воспроизведения представляет собой деятельность в точном смысле этого слова»²⁷. В этом контексте полезно напомнить положение Выготского о том, что «связь деятельностей — это центральный пункт в изучении всякой системы». И далее автор разъясняет: «Проблема связи должна быть с самого начала противопоставлена атомистической проблеме. *Сознание изначально есть нечто целое* — это мы постулируем. *Сознание определяет судьбу системы, как организм функции*»²⁸. Выготский не только настаивает на том, что сознание — это связь деятельностей, но и обращает этот постулат в проблему, считая эту связь переменной и делая ее предметом психологического исследования.

Напомним, что П. И. Зинченко — ученик А. Н. Леонтьева — был одним из активных участников «леонтьевского *деятельностного похода*» на психологию. Справедливости ради нужно сказать, что это одновременно был «поход» и на культурно-историческую психологию. П. И. Зинченко так высказывался об ошибочности культурно-исторической психологии в целом: «Неправильно решен основной вопрос о понимании природы психического. Специфическим и самым существенным для характеристики человеческой психики было признано *овладение* психикой натуральной, естественной, биологической через использование

²⁷ Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М., 1961. С. 117.

²⁸ Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. С. 157—158.

вспомогательных психологических средств. В этом положении заключена основная ошибка учения Выготского. Марксистское понимание исторической, социальной обусловленности развития человеческой психики было извращено и понято идеалистически. Общественно-историческая обусловленность психики человека была сведена к воздействию на субъекта человеческой культуры. Развитие психики, таким образом, рассматривалось не как определяемое развитием реальных отношений субъекта к действительности, а как ограниченное общением сознания субъекта с культурной, идеальной действительностью»²⁹.

Проще всего по поводу этой критики сказать, что она огульна и несправедлива, приведя при этом «ответ» Выготского, написанный до критики: «За всеми высшими функциями, их отношениями стоят социальные отношения, реальные отношения людей»³⁰. Но все дело в том, что этот ответ был впервые опубликован спустя четверть века после написания статьи П. И. Зинченко.

Подобная критика была еще мягкой в сравнении с разнузданной критикой, статьями-доносами в адрес Выготского, появлявшимися еще при его жизни. Следует учитывать, что ко времени написания и публикации статьи Зинченко труды Выготского были уже запрещены, не говоря уже о том, что при его жизни была опубликована лишь их малая часть. До выхода собрания сочинений Выготского в шести томах (и все еще неполного) посчастливилось дожить только П. Я. Гальперину и Д. Б. Эльконину. А. В. Запорожцу и А. Р. Лурии, усилиями которых оно было издано, не довелось его увидеть.

Это историческое отступление важно для нас, как описание культурно-исторической ситуации, которая влияла на продвижение идей культурно-исторической психологии. Но так или иначе в этот период традиция психологических исследований, берущая свое начало в гуманитарных идеях русских философов была прервана и это семиотическое по своей сути направление развития культурно-исторической психологии, могло существовать только на периферии деятельностного подхода. Необходимо также иметь в виду, что история науки — всей науки, а не только

²⁹ Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М., 1961. С. 117.

³⁰ Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. С. 145.

гуманитарной, — движется в определенных экзистенциальных контекстах, поэтому, говоря об истории идей всегда необходимо учитывать судьбу (трагическую или счастливую) их носителей. С этой позиции можно сказать, что историческая судьба культурно-исторической психологии была куда более счастливой, чем судьбы многих других современных ей научных направлений.

Возвращаясь к статье П. И. Зинченко, легче всего предположить, что после приведенного панегирика в адрес Л. С. Выготского эта критика носила «дежурный», принудительный характер. Ведь панегирик и критика уживаются на одной странице. Однако не будем упрощать дело, тем более что последующие критики Выготского ссылаются лишь на критический пассаж П. И. Зинченко и не замечают главного. Конечно, с нашей сегодняшней точки зрения в этом пассаже основное достоинство культурно-исторической психологии превращено в ее недостаток. Но следует обратить внимание на то, что здесь наметилась смена, если не предмета исследования, то его акцентов. Не внутренняя сторона психологического орудия — значение, а опосредованное психическое действие. Напомним, что в 30-е гг. участники Харьковской группы (название *школа* появилось много позже) приступили к изучению разных форм «психических действий»: простейшие орудийные действия у ребенка (П. Я. Гальперин), сенсорные действия (А. В. Запорожец), мнемические действия (П. И. Зинченко), интеллектуальные действия (А. В. Запорожец). Начал складываться действительно *деятельностный подход* к психике, а затем и психологическая теория деятельности. Значение, которое для Выготского было исходной единицей анализа психики, отступило на второй-третий план³¹. Значение слишком тесно связано с культурой, с идеальной деятельностью, с сознанием.

В нашей историко-психологической литературе до сих пор странным образом уживаются адресованные Выготскому упреки и идеализме и адресованные Леонтьеву упреки в отходе от Выготского, т. е. от идеализма (?!). Методологически корректно столкновение культурно-исторически и деятельностно ориентированных психологических концепций осмысливалось Г. П. Щедровицким, что представляет особый сюжет для историков психологии.

³¹ Зинченко В. П. Идеи Л. С. Выготского о единицах анализа психики // Психологический журнал. 1981. № 2. С. 118—133.

Вообще, по поводу критики в адрес культурно-исторической психологии следует сказать, что практически вся критика, опубликованная до 1982—1984 гг., т. е. до выхода в свет собрания сочинений Л. С. Выготского представляет собой с исторической точки зрения *недоразумение*. Ее авторы просто не могли знать многих фундаментальных работ Выготского, среди которых, например, «Исторический смысл психологического кризиса», «Орудие и знак в развитии ребенка», «Учение об эмоциях».

Последуем за Выготским и попробуем понять, что же такое внутренняя сторона слова, знака, символа. В дальнейшем мы будем говорить не о внутренней стороне, а об их внутренней форме. Итак, психологические орудия имеют внешнюю и внутреннюю форму. Внешняя чаще всего чрезвычайно проста, но тем не менее она совершенно непонятна, если неизвестна внутренняя форма. Внутренняя форма слова как психологического орудия необычайно богата прежде всего в сравнении с директивным знаком. Внутренняя форма последнего достаточно проста и не допускает альтернативного толкования. «Знак есть такой способ использования предмета, что само предметное содержание, указуемое знаком, полностью исчерпывается актом использования знака», — писал М. К. Мамардашвили³².

По сравнению со знаком и даже со словом символ вообще допускает множество интерпретаций. Его внешняя, видимая форма может быть элементарной, а внутренняя — бесконечной. Проблема состоит в том, чтобы открыть, увидеть внутреннюю форму, проникнув за внешнюю оболочку символа, научиться ориентироваться во внутренней форме. Здесь не должно быть иллюзий. Ориентация в бездонных глубинах скрытого за символом смысла — дело чрезвычайно трудное. Приведем до боли знакомый пример столкновения двух хорошо известных символов, порождающих неожиданные смыслы. По словам Мамардашвили, невидимая вторая половина символа, в отличие от вещественной, видной всем, прорастает в какие-то глубины сознательной жизни. Об этом же говорил П. А. Флоренский: «Вживаясь в символ, мы находим себя самих, а стараясь проникнуть в себя открываем тут символы»³³. Ча-

³² Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте. М., 1996. С. 373.

³³ Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Символ. Париж, Июль. 1992. Т. 28. Ч. 2. С. 174.

сто такое прорастание символа или вживание в него происходит помимо воли и желания субъекта, и не он овладевает символом, а символ захватывает его и овладевает им. В последнем случае не символ — орудие человека, а человек становится орудием символа, становится «человекоорудием» (термин Даниила Андреева).

Разумеется, такое «прорастание» происходит не в физическое, а в символическое «тело» человека, в его духовный организм, в «тело» его желаний, мотивов, сознания. Но если такое прорастание не происходит, человек, по словам Ф. Ницше, оказывается полым. Аналогичные метаморфозы происходят и с языком. И. Бродский настойчиво повторял, что не язык — орудие поэта, а поэт — орудие, «средство существования» языка. Открытие внутренней формы медиаторов, точнее, бесконечное число открытий начинается в совместной деятельности ребенка со взрослым и продолжается самостоятельно всю жизнь. К исследованиям работы психологических орудий-медиаторов психология только прикоснулась во время жизни Выготского. Он сам предупреждал против упрощенного понимания связи между знаком и значением: «Отнести овладение связью между знаком и значением к самому началу культурного развития ребенка, значит игнорировать сложнейшую, растянутую более чем на целое десятилетие историю внутреннего построения этой связи»³⁴. После слишком длительного перерыва эти исследования возобновил Б. Д. Эльконин³⁵.

Из того немногого, что сказано о психологических орудиях, вытекает, что они сродни, совместимы, внутренне органичны как идеальной форме, так и реальной форме. В них также имеются объективная и субъективная составляющие. Они могут выполнять посредническую функцию между реальной и идеальной формами, так как обнаруживают глубинное сходство с последними. Психологические орудия, средства, инструменты нередко уподобляются органам человека, или органам человеческой деятельности. Поскольку они представляют собой искусственные средства деятельности, их нередко называют артефактами³⁶. Так же называют и функциональные органы, что иногда создает трудности для по-

³⁴ *Выготский Л. С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. С. 15.

³⁵ *Эльконин Б. Д.* Введение в психологию развития. М., 1994.

³⁶ *Верч Дж.* Голоса разума. М., 1996.

нимания. Но это лишний раз подчеркивает потенциальную совместимость и возможность слияния, соединения (единства), установления органической связи между психологическими орудиями и идеальной формой, с одной стороны, и реальной формой — с другой. Психологические орудия: слово, знак, символ — это «живые», деятельные формы. Они, как и все живое, смертны. Есть мертвые символы, мертвые слова, даже мертвые языки.

Приведенный выше анализ идеальной, реальной и медиативной форм позволяет сделать еще одно заключение. При всей своей целостности это — гетерогенные формы. Такой ход мысли вполне соответствует идеям культурно-исторической психологии о свойствах единиц анализа психики. Последние представляют собой живые, целостные и гетерогенные образования³⁷.

Многие годы спустя после кончины Выготского М. К. Мамардашвили, развивавший философскую проблематику формы превращенной, в поисках иллюстраций для своих размышлений постоянно обращался к психологической реальности, в том числе и к реальности сознания. Он искал адекватные ей наименования и термины: сращения субъективного и объективного, кентаврические образования, артефакты, артеакты, функциональные органы, амплификаторы-усилители наших естественных способностей, новообразования и т. п. Все эти искусственные образования он называл «третьими вещами», «понимательными вещами», «интеллигибельной материей». К этому списку можно добавить и известные психологам понятия установок, доминант, предметных рецепторов, органов чувств теоретиков, акцентуаций и пр. Продолжающийся поиск наименований психологической реальности представляет собой уход от картезианской дихотомии души и тела, в том числе и уход от натуралистической трактовки внешнего (объективного) и внутреннего (субъективного), с которой связана столь же натуралистическая трактовка процессов интериоризации и экстериоризации. На наш взгляд перечисленные попытки именования «психологической реальности» можно сегодня интерпретировать как поиск путей возвращения к гуманитарным основаниям культурно-исторической психологии, заложенным в традиции русской философии начала XX в.

³⁷ *Зинченко В. П., Смирнов С. Д.* Методологические вопросы психологии. М., 1983.